
ТЕОРИЯ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК КАТАЛИЗАТОР РАЗВИТИЯ И УПАДКА ИМПЕРИЙ

Чумаков А. Н.*

В статье рассматривается проблема общественного прогресса в контексте таких ступеней его исторического развития, как дикость – варварство – цивилизация. Сравнительный анализ этих форм устройства человеческой жизни приводит автора к выводу, что все еще имеющие место в современном мире варварство и даже рудименты дикости делают особо актуальной задачу перехода к цивилизованному человечеству, которому нет альтернативы. При этом в центре внимания оказываются различные системы организации общественной жизни, среди которых особое место занимают империи как наиболее крупные общественные системы, построенные на принципах централизации и авторитаризма. Показано, как разнообразие изначально континентальных империй с эпохи Великих географических открытий дополняется империями морскими (колониальными), которые в условиях начавшейся глобализации получают мощный импульс для своего развития. Затем под влиянием многоаспектной глобализации, ставшей отличительной чертой XX в., империи перестали соответствовать требованиям изменившегося времени. Новый этап общественного и научно-технического прогресса в условиях глобальных перемен не оставил им места для существования. Такая форма организации общественной жизни оказалась неэффективной в конфигурации глобального мира и, более того, вступила с ним в острую фазу антагонистических противоречий.

Ключевые слова: историческое развитие, общественный прогресс, социальная система, империя, глобальный мир, глобализация, государство, сетевое управление.

GLOBALIZATION AS A CATALYST OF EMPIRES' RISE AND FALL

The article considers the problem of social progress in the context of such stages of its historical development as savagery – barbarism – civilization. A comparative analysis of these forms of human life leads the author to the conclusion that the barbarism and even rudiments of savagery that still exist in the modern world make the transition to a civilized humanity, which has no alternative, partic-

* Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: chumakov5@yandex.ru.

Alexandr N. Chumakov – Dr. Phil., Professor of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: chumakov5@yandex.ru.

ularly urgent. At the same time, various systems of organizing social life, among which empires occupy a special place as the largest social systems built on the principles of centralization and authoritarianism, are in the spotlight. It is shown how the diversity of initially continental empires since the Age of Exploration has been supplemented by maritime (colonial) empires, which, in the context of globalization that has begun, receive a powerful impetus for their development. Then, under the influence of multidimensional globalization, which became the hallmark of the 20th century, empires no longer corresponded to the requirements of the changed times. A new stage of social and scientific and technological progress in the conditions of global changes has not left them a place to exist. This form of public life organization turned out to be ineffective in the configuration of the global world and, moreover, entered into an acute phase of antagonistic contradictions with it.

Keywords: historical development, social progress, social system, empire, global world, globalization, state, network management.

Охватывая мысленным взором историю общественного развития от глубокой древности до настоящего времени, трудно не согласиться с тем, что эта динамика сопряжена с перманентной трансформацией изначально примитивных, предельно простых форм организации социальной жизни во все более сложные и совершенные структуры. Так, с переходом от состояния «войны всех против всех» к появлению «Левиафана», то есть государства, как об этом рассуждал Т. Гоббс [2001], разнообразие тем или иным образом организованных социальных систем со временем только множилось. И к середине 1-го тысячелетия до н. э. это множество как по форме, так и по содержанию уже не поддавалось точному исчислению и определялось в зависимости от критериев, по которым выделялись такие системы. Достаточно сослаться в этой связи на Лао-цзы, Конфуция, Платона или Аристотеля, чтобы понять, какое важное место данная тема занимала в системе рационального знания уже на заре его становления [Древнекитайская... 1972: 119–120]. Дальнейший ход исторического развития представлен еще более сложным калейдоскопом разнообразных общественных систем, которые можно классифицировать по различным основаниям. Например, по форме это – *царства, королевства, княжества, султанаты, ханства, каганаты, халифаты, федерации, конфедерации, доминионы, протектораты, унии, империи, анклав, автономные территории, национальные государства, союзы, блоки* и т. п. По содержанию это может быть *монархия, олигархия, аристократия, меритократия, ноократия, самодержавие, деспотия, диктатура, тирания, тимократия, политика, автократия, теократия, плутократия, анархия, охлократия, клептократия, бюрократия, технократия, демократия, республика* и т. п.

Итак, тема развития общества и личности была предметом специального внимания как минимум уже с начала развития философии, исчерпывающие доказательства чего содержатся в многочисленных текстах не только уже упомянутых философов, но и многих других мыслителей Древней Индии, Древнего Китая, Древней Греции [Антология... 1969]. Однако то были в основном представления о повторяемости, цикличности, «круговороте» истории, проецируемой, как правило, на отдельные государства или регионы, но не более чем на соответствующую ойкумену, рамками которой и ограничивалось тогда представление о населенном людьми пространстве. Осознание же того факта, что все люди так или

иначе включены в единый мировой процесс, который развивается динамично и поступательно, в полной мере обнаруживается только с Нового времени, когда практически заканчиваются Великие географические открытия и достаточно четко вырисовываются контуры обитаемого глобального мира. Именно тогда в философии эпохи Просвещения появляется идея общественного прогресса, в соответствии с которой в обществе происходят необратимые изменения по мере перехода его от старого к новому, от менее совершенных к более совершенным формам организации человеческой жизни. Тогда же появляются и противоположные точки зрения, оценивающие общественное развитие в целом как регресс. Данная проблематика стала предметом особого внимания для многих философов, ученых, общественных деятелей, среди которых, несомненно, выделяются: Ж. Кондорсе, А. Фергюсон, Р. Оуэн, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер, Д. Вико, И. Г. Гердер, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, Л. Морган [Новая... 2001: 358–359] и др.

В итоге общественная мысль обогатилась множеством различных теорий и периодизаций исторического развития, среди которых широкую известность получили типологии, исходящие из духовного развития общества Г. В. Ф. Гегеля, О. Конта; формационная концепция К. Маркса и Ф. Энгельса; цивилизационные и культурологические теории Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби; стадии экономического роста У. У. Ростоу; теория модернизации Д. Белла и др. Все они, в зависимости от конкретных целей и задач исследования, представляют тот или иной интерес, поскольку затрагивают разные стороны и особенности поступательного общественного развития. Однако с точки зрения влияния глобализации на исторический процесс особого внимания заслуживает такое понимание общественного прогресса, когда он воспринимается как переход от *дикости* через *варварство* к *цивилизации*. Важно отметить в этой связи, что именно глобальные путешествия и открытия новых территорий дали европейцам богатый фактический материал для сравнения своей культуры с культурами неведомых прежде стран и народов.

Так, для описания жизни первобытных людей и в целом диких народов шотландский философ А. Фергюсон в 1767 г. впервые употребил термин «дикость» именно в таком значении [Ferguson 1782]. Затем в 1877 г. была опубликована ставшая впоследствии знаменитой работа американского этнографа Л. Моргана «Древнее общество», где он утверждал, что все народы (по тем или иным причинам в разное время) проходят через три ступени своего развития: дикость, варварство и цивилизация [Морган 1935]. В этом контексте понятие «варварство», имеющее греческие корни и изначально относившееся к чужеземцам, которые говорили на непонятном языке и были чужды греческой культуре, хотя и противопоставлялось дикости как более высокая ступень общественного развития, тем не менее, было синонимом невежественных, грубых, жестоких людей, разрушителей культурных ценностей. Зато следующий этап исторического прогресса, как полагал Морган, а также просветители XVIII в., принципиально отличается от варварства, поскольку характеризуется смягчением нравов, верховенством закона и признанием равноправия всех людей. Для обозначения этого качественно нового состояния общества маркизом де Мирабо в 1757 г. был предложен термин «цивилизация» (от лат. *civilis* – гражданский, правовой, государственный), который, по существу, стал дополнением к появившемуся еще в Древнем Риме понятию «культура», поскольку выражал особый тип культуры отношений, основанных

на гуманистических принципах эпохи Просвещения. Прогрессистские и цивилизационные идеи о том, что отдельные общества и человечество в целом развиваются по единому восходящему пути развития легли затем в основу известного труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где также выделяются три эпохи исторического развития: дикость – варварство – цивилизация [Энгельс 1982].

С тех пор такой взгляд на историю с определенными корректировками и вариациями прочно занял свое место в общественном сознании, когда *дикость* стала ассоциироваться с грубой силой, полным бесправием и попранием любой морали посредством прямого насилия, подавления и низведения человеческих отношений, по существу, до животного состояния. Такое положение дел хорошо описывает знаменитое выражение Т. Гоббса «война всех против всех» или, например, поэтическая строка Н. А. Некрасова: «И только тот один, кто всех собой давил, свободно и дышал, и действовал, и жил» [Некрасов 1979: 11–12]. По сравнению с подобным рода отношениями *варварство* является, несомненно, более высокой ступенью общественного развития, поскольку здесь на первое место выступает уже не звериное, стадное, а коллективное, соответствующим образом организованное или, выражаясь современным языком, корпоративное начало. Однако ценит варвар при этом только то, что принадлежит его роду, племени, то есть своим, соплеменникам. В этой дихотомии «свой – чужой» варвар всегда на стороне его и только его культуры, тогда как все остальное не представляет для него никакой ценности и без сожаления может быть разрушено, уничтожено.

Наконец, в цивилизованном обществе на первый план выступают общепринятые нормы морали и права, разделение властей, права человека и равенство всех перед законом. Начальной вехой на этом пути, отразившей данные положения и закрепившей на законодательном уровне такое, принципиально отличное от прошлых эпох состояние общественных отношений, стала «Декларация прав человека и гражданина», принятая в 1789 г. Национальным учредительным собранием Франции [Французская... 1989: 26–29]. В основу этого уникального исторического документа были положены идеи естественного права, в соответствии с которыми провозглашались такие базовые ценности, как свобода личности, свобода слова, свобода убеждений, право на сопротивление угнетению. При этом важно подчеркнуть, что в то время, когда в мире господствовали в основном произвол и право сильного, уже в первой статье Декларации утверждалось, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе» [Французская... 1989: 26]. А во второй статье этого документа указывается на то, что «Цель всякого политического союза – обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые – свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» [Там же]. Иначе говоря, суть нового исторического этапа – цивилизационного пути развития – кратко и емко передает аксиома французского Конвента того времени: «Свобода одного гражданина кончается там, где начинается свобода другого». Эта же мысль хорошо сформулирована и в знаменитом изречении, приписываемом Вольтеру: «Я не разделяю ваших убеждений, но готов умереть за ваше право их высказывать».

Таким образом, прогрессивные качественные перемены в общественных отношениях по мере исторического развития вполне очевидны, чтобы их отрицать

[Гринин 2004: 5–44]. Но почему не раньше и не позже, а именно с Нового времени появляются и сама идея общественного прогресса, и различные теории качественно отличных ступеней развития, на которые поднимаются (каждый в свое время) различные страны и народы? Не преуменьшая роли научного, технического и социально-экономического прогресса в поступательном развитии общества, в котором к тому времени накопились достаточные основания и соответствующий потенциал для подобных обобщений, следовало бы обратить особое внимание на глобализацию. Дело в том, что в качестве объективно-исторического процесса, начавшегося с эпохи Великих географических открытий, глобализация к середине XVIII в. впервые в истории человечества привела к установлению *планетарных* связей и отношений между странами и народами, прежде гетерогенными, а то и вовсе ничего не знавшими до этого друг о друге. Тем самым глобализация послужила катализатором к отмеченным выше обобщениям и выводам. Но каким образом?

Чтобы ответить на этот вопрос, важно принять во внимание, что в Европе ко второй половине XVIII в. сложились предпосылки для кардинальных перемен как в социально-экономической и общественно-политической сферах, что наиболее ярко отразилось в буржуазных революциях того времени, так и в сфере духа, морали, права, которые легли в основу эпохи Просвещения и во многом определили ее сущность. Глобализация же к этому времени позволила европейцам увидеть себя как бы со стороны, то есть посмотреть через призму других, принципиально отличных культур на самих себя, свое прошлое и в целом на трансформацию общественных отношений от первобытного состояния до того уровня, которое они определили понятием «цивилизация». И в самом деле, перемещаясь по всему открытому ими глобальному миру и сталкиваясь с неведомыми ранее общественными системами и народами, первооткрыватели новых земель воочию убеждались, что уровень не только социально-экономического, но и культурного развития проживавших там людей порой разительно отличается от европейского. Спектр этих различий простирался от относительно развитых (по европейским меркам) общественных систем, таких, например, как майя, инки или ацтеки на Американском континенте, до примитивных форм социальной жизни с проявлением каннибализма в Африке, Австралии или на островах Полинезии. Полученные таким образом опыт и знания, а также ретроспективный взгляд на собственную историю послужили импульсом к осмыслению общественного развития как единого процесса, идущего по все более сложной траектории. Они же стали и определенным основанием для выражения идей поступательного общественного развития в упомянутых выше категориях и концепциях.

Прошедшие с тех пор два с лишним столетия не сделали данную тему менее актуальной. Более того, за это время произошли такие беспрецедентные события и потрясения мирового масштаба, что острота вопроса о преодолении варварства и даже дикости со временем лишь возрастала. Об этом красноречиво говорят, например, не только многомиллионные жертвы наполеоновских, а также многочисленных локальных и региональных войн, непомерная цена появления и распада социалистической системы или ужасы Первой и Второй мировых войн, но и изобретение ядерного, химического, бактериологического и т. п. оружия массового поражения, которые ставят человечество на грань самоуничтожения [Кацура и др. 2016]. Все это, как и многовековая практика исторического разви-

тия, неопровержимо доказывает, что мы сталкиваемся с проявлением варварства, или даже хуже – с рудиментами дикости. Казалось бы, это уже преодоленные исторические ступени прошлого развития человечества. Но, к большому сожалению, они никуда не исчезли. И сегодня все еще найдется немало примеров подобного рода в мировом сообществе, которое едва лишь регулируется, но не имеет никаких инструментов управления, в которых все более остро нуждается. Отсюда вполне очевидно, что *цивилизованному человечеству нет альтернативы*.

В этой связи особый интерес представляет, опять-таки, глобализация, которая не только порождает новые вызовы, такие, например, как глобальные проблемы, мировые кризисы или пандемии планетарного масштаба, но и создает новые возможности для цивилизованных международных отношений, делая всех нас соседями на «маленьком» космическом островке во Вселенной, именуемом планетой Земля. Отсюда все более важное значение обретают вопросы устройства и организации общественной жизни, будь то локальный, региональный или глобальный уровень. Иными словами, новая эпоха – эпоха глобальных структур, связей и отношений, требуя единства в многообразии, объективно осуществляет селекцию различных общественных систем, когда одни из них более, другие менее эффективно вписываются в архитектуру глобального мира. В то же время отдельные общественные системы, приемлемые для предыдущих эпох, вступают в антагонистические противоречия с усиливающимися глобальными процессами и, в конечном счете, распадаются или трансформируются в новые структуры. Ярким тому примером является имперская форма организации общественной жизни, которая имеет свою особую историю и логику развития.

Империя (от лат. *imperium* – управление, власть) являет собою специфическую форму организации государственной власти, которая централизованно осуществляется на большой (по меркам национальных государств) территории. В своей внутренней и внешней политике опирается на военную силу и в основе своей – на репрессивный аппарат управления, действуя при этом прежде всего в интересах военных сословий и представителей силовых структур. В империи обширные территории, населенные различными народами и именуемые колониями, доминионами, подконтрольными территориями, управляются из одного центра посредством жестко организованной (авторитарной, тоталитарной) власти во главе с императором (королем, царем, султаном или иным верховным правителем, титул которого не имеет принципиального значения). При этом на подконтрольных территориях власть осуществляется через наместников, ставленников, назначаемых из центра в том числе и для надзора за местным самоуправлением.

При всем разнообразии политических укладов и особенностей отдельных империй, авторитарная или тоталитарная власть (деспотия) для всех них является необходимой и наиболее адекватной формой управления, поскольку удержать в подчинении население на больших и разноплановых территориях, обеспечивая при этом единство и функциональную дееспособность страны, можно только при жесткой централизации власти и наличии эффективного репрессивного аппарата, в том числе регулярной армии. Отсюда вполне очевидно, что силовые структуры должны занимать (и занимают) особое положение в общественной и политической жизни таких систем. Для империи характерно также наличие единого для всех языка общения и то, что суверенитет находится исключительно в центре политической юрисдикции [Империя 2006: 350–351].

Важно подчеркнуть и то, что империя – это вполне закономерное и естественное состояние организации жизни людей на определенном этапе исторического развития. К ранним формам такого общественного устройства можно отнести, например, Аккадское царство, появившееся еще в 3-м тыс. до н. э., империю Шан (XVI в. до н. э.) или Неоассирийскую империю (X в. до н. э.). Империи во множестве вариантов зарождались, существовали, сменяли друг друга или вовсе сходили с исторической арены вплоть до середины XX в., пока объективные обстоятельства благоприятствовали такому ходу событий.

Важнейшим фактором и беспрецедентным явлением, давшим мощнейший импульс процессу формирования и территориального расширения империй, стали Великие географические открытия, а также обусловленная ими начавшаяся тогда же *глобализация* [Global Studies 2014: 229–242]. Связь же между этими событиями не просто тесная, а непосредственная. Именно логика образования и естественная природа экстенсивного развития империй наряду с существенными достижениями в области точного знания (в частности, о реальном устройстве Земли) в совокупности с техническими достижениями, в особенности в кораблестроении и навигации, породили эпоху открытия новых земель, расширив тем самым формат взаимоотношения людей до планетарных масштабов. Таким образом, список естественных глобальных процессов, протекавших до этого в неживой и живой природе, расширился за счет глобализации, которая проявилась в становлении и развитии глобальных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни. При этом глобализация открыла принципиально новые возможности для экстенсивного расширения социального пространства, открытия и подчинения новых территорий, что послужило катализатором формирования особого типа империй – не «сухопутных» или «континентальных», как то имело место прежде, а «морских» или «колониальных». Именно так и складывались крупнейшие из них, к которым следует отнести Британскую, Испанскую, Португальскую или, например, Японскую империю.

В отличие от континентальных империй, представлявших собой единое территориальное пространство, образованное за счет присоединения новых территорий и расширения таким образом сухопутных границ существующей страны, колониальные империи возникли в результате открытия новых земель и подчинения европейским морским державам располагавшихся там стран и народов. Оказавшись под властью иностранного государства, лишённые политической самостоятельности, эти новые территории становились колониями (периферией), отделёнными значительными водными пространствами от «ядра» (метрополии). Созданию именно таких колониальных империй как раз и способствовали Великие географические открытия вкупе с набравшей все большие обороты глобализацией, что привело к смещению центра экономической и политической активности с берегов Средиземного моря на берега Атлантики. В итоге география морских торговых путей и положение отдельных государств в системе международных отношений принципиально изменились, поскольку главные торговые пути стали пролегать теперь не по просторам Евразии и Средиземноморью, а через Атлантический, Индийский и Тихий океаны.

Таким образом, к началу XX в. «ведущие европейские державы завершили колонизацию огромных пространств Азии, Африки, Латинской Америки, Австра-

лии и Океании. В 1919 г. на долю колоний и зависимых стран приходилось 72 % территорий и 69,4 % населения Земли. В наибольшей степени колониалистской экспансии подвергся Африканский континент. Шесть «великих держав» Европы захватили 25 млн кв. км земли, то есть пространство в 2,5 раза больше всей Европы, и поработили свыше полумиллиарда (523 млн) населения» [Распад... 2015]. В итоге размеры владений прежде относительно небольших, но достаточно развитых европейских государств, имевших выход к морю, многократно увеличились, о чем красноречиво говорят следующие цифры: Франция стала контролировать территорию размером 10545 тыс. кв. км, Англия – 8973 тыс., Германия – 2459 тыс., Бельгия – 2337 тыс., Италия – 2259 тыс., Португалия – 2076 тыс., Испания – 333 тыс. кв. км» [Распад... 2015].

Итак, появившись почти три тысячи лет тому назад, различные империи прошли долгий и тернистый путь своего развития. Среди них, помимо уже упомянутых выше, заняли важное место и оставили значительный след в истории человечества также империи Александра Македонского, Циньская, Римская, Монгольская, Российская, Османская, Австро-Венгерская и др. Как особый тип социальной организации и способ управления большими территориями империи закономерно возникали, развивались, сменяли друг друга, пока над ними не сгустились тучи многоаспектной глобализации [Чумаков 2016: 251–285]. Именно к середине XX столетия, в силу кардинальных социокультурных, экономических и геополитических перемен, вызванных глобальными процессами в различных сферах общественной жизни, авторитарный способ управления общественными системами на предельно больших территориях утратил свою эффективность, а во многом и дееспособность. В итоге к началу нашего века эпоха империй, по существу, закончилась, а ее закат сопровождался чередой волн освобождения подчиненных территорий от колониальной зависимости.

Процесс деколонизации стран и континентов, начавшийся еще в начале XIX в., шел какое-то время параллельно с продолжавшимся процессом колониальной экспансии. Тогда в результате волны национально-освободительных движений, прокатившейся по странам Латинской Америки, большинство колоний этого континента обрели независимость, и к 1826 г. у Испании оставались только Куба и Пуэрто-Рико. Очередной подъем национально-освободительного движения был связан уже с Первой мировой войной и последовавшими после ее окончания экономическими и политическими кризисами в ведущих колониальных державах. Так, окончание этой войны ознаменовалось не только стремлением подчиненных территорий к обретению независимости, но и концом истории крупнейших империй того времени: Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской.

Однако наиболее активный и, по существу, завершающий распад колониальной системы был вызван Второй мировой войной и последовавшей за ней перестройкой системы международных отношений. В итоге только в 1943–1959 гг. независимость обрели два десятка колоний, а в 1960–1970 гг. – уже около 50 стран. И хотя экономическая зависимость от бывших метрополий, как правило, оставалась, к 80-м гг. XX в. политическую независимость получили уже около 100 новых суверенных государств. Таким образом, прежняя колониальная система на территории планеты перестала существовать. Но проблема на этом не была исчерпана, поскольку «на смену колониализму пришел неоколониализм – система

разнообразных форм и методов, используемых развитыми капиталистическими странами для удержания освобожденных стран в подчиненном зависимом положении» [Распад... 2015]. И тем не менее данное обстоятельство не отменяет того факта, что процесс ухода с исторической арены оставшихся колониальных империй, как и сам способ такого управления общественными системами, после Второй мировой войны пришел к своему логическому завершению. Война закончилась полным крушением Третьего рейха и Японской империи. А мировое сообщество на Генеральной Ассамблее ООН приняло резолюцию, запрещающую завоевание территорий суверенных государств, что стало еще одним фактором, препятствующим появлению новых и ведущим к окончательному развалу еще оставшихся на то время империй классического типа [Декларация... 1965].

Все это подняло во второй половине XX в. новую волну освобождения от колониальной зависимости стран третьего мира и окончательно завершило процесс распада таких прежде могущественных морских колониальных империй, как Португальская (1975 г.) и Испанская (1976 г.). Наконец, в 1997 г. закончила свое существование и самая обширная в истории человечества Британская империя, над которой в период ее наибольшего могущества «никогда не заходило солнце», поскольку она контролировала четверть мировой суши и около половины вод мирового океана. Важно отметить в этой связи, что конец всем им положили не политики, якобы плохо управлявшие империями, или иные субъективно обусловленные причины, а естественный ход исторического развития, составной частью которого является многоаспектная глобализация, охватившая своими процессами практически все сферы общественной жизни. И хотя рудименты имперских структур и форм управления (в форме неокOLONиализма) все еще сохраняются до настоящего времени, трудно оспорить тот факт, что в современных условиях эффективно управлять обширными и сложнейшими общественными системами из одного центра на принципах единоначалия и жесткой структуры подотчетности не представляется возможным. Понимание причин такого положения дел наилучшим образом дает обращение не столько к политике, идеологии или экономике, сколько к культуре.

Культура в целом и в особенности ее ядро – наука и образование – являются определенной «лакмусовой бумажкой», показывающей сущность и состояние того или иного общества, его сильные и слабые стороны, динамику развития и конкурентоспособность в системе международных отношений. В этой связи принципиальное значение имеет то, что для авторитарных и централизованно выстроенных общественных систем (коими, по сути, и являются все империи) характерны свои особенности в организации науки и образования. Такие системы изначально ориентированы на организацию идеологически «правильного» воспитания и образования, включая и подготовку высокопрофессиональных узкопрофильных специалистов. И это вполне объяснимо – авторитарные, тоталитарные, деспотические системы, хотя и нуждаются в высококлассных специалистах, тем не менее, не заинтересованы в воспитании независимых, самостоятельно и свободно мыслящих граждан. Поэтому в них среднее специальное и высшее образование реализуется посредством отраслевых училищ, техникумов (колледжей), институтов и профильных академий. И даже университеты в таких общественных системах выполняют, по существу, аналогичную задачу. Наука и образование при этом

фактически разделены. В учебных заведениях учат, тогда как фундаментальные и прикладные науки сосредотачиваются в профильных научно-исследовательских институтах, центрах, лабораториях. В итоге «академическая наука» имеет мало общего с образованием, а так называемая «вузовская наука» далека от науки фундаментальной и прикладной.

В общественных системах, построенных на других принципах и основаниях, где требуется постоянно воспроизводить и поддерживать гражданские институты и соответствующий им дух общественных отношений, образование и наука сосредоточены прежде всего в университетах. И именно они являются как центрами научных исследований, так и основной кузницей подготовки не только высококвалифицированных специалистов, но и наиболее образованной и активной части гражданского общества. Все это имеет принципиальное значение, поскольку в современных условиях глобальной взаимозависимости, диверсификации производства и международной мобильности страны с достаточно зрелым гражданским обществом и демократическими формами правления оказываются более открытыми, конкурентоспособными и развитыми в социально-экономическом отношении [Махаматов 2014: 117–120]. На планете, поделенной теперь между почти двумястами национальными государствами, именно они (при адекватном восприятии глобализации и соответствующей политике) оказываются более эффективными формами общественного устройства, нежели империи, для которых теперь практически не осталось места, поскольку сложность управления социальными системами в условиях нарастающей глобализации значительно возросла и вышла за те рамки, в пределах которых только и возможно эффективное управление обществом [Чумаков 2019: 353–364].

С этой проблемой к концу XX в. непосредственно столкнулись, например, Соединенные Штаты Америки, ощутившие себя мировым гегемоном после победы в холодной войне, приведшей к развалу социалистической системы. Ярким примером американского геополитического мышления того времени являются высказывания известного политолога З. Бжезинского, который, обосновывая тезис об *однополярном мире* и лидирующей роли США на мировой арене в постсоветский период, в частности, писал: «Для Соединенных Штатов евразийская геостратегия включает целенаправленное руководство динамичными с геостратегической точки зрения государствами и осторожное обращение с государствами-катализаторами в геополитическом плане, соблюдая два равноценных интереса Америки: в ближайшей перспективе – сохранение своей исключительной глобальной власти, а в далекой перспективе – ее трансформацию во все более институционализирующееся глобальное сотрудничество. Употребляя терминологию более жестких времен древних империй, – отмечал он, – три великие обязанности имперской геостратегии заключаются в предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности, сохранении покорности подчиненных и обеспечении их защиты и недопущении объединения варваров» [Бжезинский 2005: 54]. Понадобилось еще более десяти лет после этих высказываний З. Бжезинского, чтобы устами 45-го президента США Д. Трампа Соединенные Штаты Америки, столкнувшись с новыми реалиями, критически оценили тщетность имперских устремлений выстраивать на таких принципах международные отношения и по своему усмотрению «наводить порядок» в глобальном

мире. И хотя в этом отношении внешняя политика администрации Джо Байдена сделала определенный шаг назад, существа дела это не меняет, подтверждением чего стал и поспешный вывод войск США из Афганистана в 2021 г.

То, что концепция однополярного мира не соответствует реальному положению дел на международной арене, стало наиболее очевидно к началу XXI в., когда после окончания холодной войны практически закончилось реформирование мирового порядка и четко проявились негативные последствия внешнего вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Характерными примерами в этом отношении являются Афганистан, Ирак, Ливия и др. А наиболее точно такое положение дел отразил постоянный представитель Японии в ООН Х. Овада, который заявил, что «однополярный мир является опасным заблуждением; на самом деле порядок в мире не может диктоваться волей лишь одного полюса, каким бы могущественным ни был этот полюс в сравнительном плане» [Owada 1998: 556].

Итак, теперь уже вполне очевидно, что в современном глобальном мире нет такого субъекта международных отношений, единого центра или какой бы то ни было коалиции, которые были бы в состоянии выполнять роль мирового арбитра, тем более жандарма, не говоря уже о реальном управлении мировыми делами. Отсюда нет оснований говорить и об «однополярном» мире, поскольку каждый субъект международных отношений играет свою роль в зависимости от его места и положения в мировом сообществе. А это означает, что абсолютного, тем более стабильного и долговременного преимущества нет ни у кого. В этой связи суть архитектуры современного мирового порядка хорошо передают слова Н. Кузанского, который еще в XV в., рассуждая о природе мироздания, утверждал, что мир является бесконечным, и центр его «повсюду и нигде» [Кузанский 1979: 134].

Именно так и обстоят дела теперь в «глобальном человекике», где нет неизменного постоянства в раскладе сил между субъектами международных отношений. Одни из них усиливаются, другие ослабевают; кто-то приобретает союзников, объединяется, кооперируется, тогда как другие теряют поддержку и расположение к себе. Немало и тех, кто занимает выжидательную позицию и готов примкнуть к более сильной стороне, как только для этого наступит выгодный момент. В результате сложения таких разнонаправленных векторов поведения на международной арене, различных субъектов центров влияния и принятия решений в современном мире оказывается много. При этом картина их распределения постоянно меняется. А поскольку они взаимодействуют в широком диапазоне – от тесной кооперации до жесткого противостояния, то нередко реальный центр принятия решений оказывается совсем не там, где он афишируется или подразумевается. Иными словами, мы имеем дело с многополярностью глобального мира, в котором объективные законы общественного развития выдвигают на первый план наиболее соответствующие такому миру, а следовательно, и наиболее эффективные формы организации и управления общественными системами.

Как показывают соответствующие исследования в данной области, самой сложной по своей структуре общественной системой, которой в современных условиях человек может относительно эффективно управлять, является национальное государство [Чумаков 2019: 358–360]. Социальные системы иного уровня, например империи, способны функционировать на основе регулирования, тогда как возможности полноценного управления ими в современных условиях

весьма ограничены. Как отмечал в этой связи А. А. Зиновьев, «организовать миллион человек – это одно, организовать десять миллионов – это другое, организовать сто миллионов – это тяжелейшая задача. Организовать пятьсот миллионов человек является задачей колоссальных масштабов» [Зиновьев 1999]. Основная проблема здесь в том, что сложные системы, такие, например, как биосфера, регулируются естественным образом, то есть саморегулируются, подчиняясь действию природных законов. Общественные же системы к тому же еще и управляются, так как в их развитии важную роль играет активное начало – человек, который в пределах своих возможностей осознанно влияет на естественный ход событий.

Итак, на планете, поделенной теперь между почти 200 национальными государствами, именно они и укрепились в качестве наиболее крупных международных общественных структур, пригодных для управления, несмотря на определенное изменение их позиций в плане сохранения национального суверенитета и независимости во внешнеполитической деятельности. Такое положение дел вполне объяснимо, если принять во внимание, что глобализация, с одной стороны, унифицирует международные связи и отношения, а с другой стороны, поднимает на более высокий уровень сопротивление этим процессам, активизируя национальное самосознание и борьбу за сохранение традиционных культур и культурного разнообразия, наконец, поднимая прежде локальные и региональные проблемы (эмиграции, сепаратизма, преступности, терроризма и т. п.) до глобального уровня. В этой связи заслуживает внимания замечание А. Б. Вебера, в соответствии с которым, «говоря о глобальном управлении, следует подчеркнуть, что это прежде всего управление *процессами*, а не территориями. Управление не “вместо” национальных государств, а вместе с ними» [Вебер 2009: 11].

Разделяя эту точку зрения, приходим к выводу, что наиболее оптимальной формой организации общественной жизни, пригодной для глобального мира на обозримую перспективу, могла бы стать *конфедерация национальных государств*, где был бы обеспечен разумный компромисс между глобальными и национальными интересами. Решение же такой задачи, как представляется, мог бы обеспечить сетевой принцип управления сложными системами. Эта технология заключается в том, что за основу управления сложными и масштабными структурами берется не иерархический, а сетевой принцип организации и функционирования системы, предполагающий полицентричность и участие в управлении всех составляющих данную систему элементов. Появление такой технологии непосредственно связано с информационно-технологической революцией, открывшей во второй половине XX века беспрецедентные возможности осуществлять сложнейшие расчеты и проводить оперативную обработку больших объемов информации [Лешкевич 2019: 258–260]. С тех пор сетевые методы планирования и управления стали все более активно применяться в различных сферах общественной жизни. В этих условиях определенное преимущество перед системами централизованными и авторитарными получили демократические формы общественной жизни, поскольку гражданское общество по природе своей функционирует по сетевому принципу. Его различные самостоятельные и автономные структурные элементы (отдельные граждане, общественные организации, объединения, институты, творческие союзы и т. п.), не имея единого центра управления или координации, функционируют, тем не менее, как единое целое, подчиняясь вполне определен-

ным принципам организации общественной жизни и соответствующим нормам поведения. В то же время отдельные элементы гражданского общества сами могут функционировать и быть построены по сетевому принципу.

Таким образом, в отличие от традиционных способов управления обществом, основанных, как правило, на иерархии отношений и вертикали власти, когда верхние и нижние властные структуры находятся в ситуации строго регламентированных взаимоотношений, сетевая технология управления в демократических системах обеспечивает гражданам большую степень свободы и полномочий в принятии и реализации экономических, политических и т. п. решений. Касательно международных отношений и отдельных государств такой подход предполагает сохранение национального суверенитета и существенной автономии при одновременной передаче национальными правительствами части своих полномочий наднациональным структурам и международным организациям. При этом следует подчеркнуть, что новые возможности, которые в условиях многоаспектной глобализации открываются с развитием современных технологий, – это то, что можно и проигнорировать (с непременным ущербом для себя), но лучше максимально использовать в интересах построения более безопасного и стабильного будущего – как своего, так и мирового сообщества в целом. Важно и то, что новейшие технологии делают сетевой подход к управлению обществом на международном уровне перспективным средством преодоления современной ситуации «войны всех против всех». Но тогда и решение задачи построения эффективно функционирующей системы международных отношений переходит в другую плоскость, где уже не империи, даже в их новом (неоколониальном) облике, а демократические государства оказываются более эффективной формой организации общественной жизни в глобальном мире.

Литература

- Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 1. М. : Мысль, 1969.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : Международные отношения, 2005.
- Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1. С. 3–15.
- Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001.
- Гринин Л. Е. Генезис государства как составная часть перехода от первобытности к цивилизации // Философия и общество. 2004. № 4(37). С. 5–44.
- Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета. Принята резолюцией 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml.
- Древнекитайская философия. М. : Мысль, 1972.
- Зиновьев А. А. Запад – Россия: управляемая катастрофа // «Фигаро». 1999. 24 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://conflictmanagement.ru/zapad-rossiya-upravlyаемaya-katastrofa>.
- Империя // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Нью-Йорк. : ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006.

- Кацура А. В., Мазур И. И., Чумаков А. Н. Планетарное человечество: на краю пропасти. М. : Проспект, 2016.
- Кузанский Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1979.
- Лешкевич Т. Г. Цифровая среда как «невидимый» слой современности и форсайт перспективы // Вестник МНЭПУ. 2019. № S1. С. 258–260.
- Махаматов Т. М. Гражданское общество как фактор устойчивого развития общества // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. Т. 3. М. : Изд-во МНЭПУ, 2014. С. 117–120.
- Морган Л. Г. Древнее общество. Л. : Изд-во Ин-та народов севера ЦИК СССР, 1935.
- Некрасов Н. А. Родина // Стихотворения, 1845–1877. М. : Московский рабочий, 1979. С. 11–12.
- Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 2001.
- Распад колониальной системы. Модернизация стран традиционалистских цивилизаций (14.02.2015) [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.ru/5_63977_raspad-kolonialnoy-sistemi-modernizatsiya-stran-traditsionalistskih-tsvilizatsiy.html.
- Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М. : Прогресс, 1989.
- Чумаков А. Н. Глобализация. Контур целостного мира. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1982.
- Ferguson A. An Essay on the History of the Civil Society. 5th ed. London : T. Cadell, 1782.
- Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B. V., 2014.
- Owada H. The Problem of World Public Order / B. Boutros-Ghali // *Amicorum Discipulorumque Liber*. Vol. I. Bruxelles, 1998.

References

- Antologiya mirovoy filosofii [Anthology of the World Philosophy]: in 4 vols. Vol. 1. Part 1. Moscow : Mysl', 1969.
- Brzhezinsky Z. Velikaya shakhmatnaya doska [The Great Chess Board]. Moscow : Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2005.
- Veber A. B. Sovremennyy mir i problema global'nogo upravleniya [The Modern World and the Problem of Global Governance] // *Vek globalizatsii*. 2009. No. 1. Pp. 3–15.
- Hobbs T. Leviatan [Leviathan]. Moscow : Mysl', 2001.
- Grinin L. E. Genezis gosudarstva kak sostavnaya chast' perekhoda ot pervobytnosti k tsivilizatsii [The Genesis of the State as an Integral Part of the Transition from Primitiveness to Civilization] // *Filosofiya i obshchestvo*. 2004. No. 4(37). Pp. 5–44.
- Deklaratsiya o nedopustimosti vmeshatel'stva vo vnutrenniye dela gosudarstv, ob ogra-zhdenii ikh nezavisimosti i suvereniteta [Declaration on the Inadmissibility of Interference

in the Internal Affairs of States, on the Protection of Their Independence and Sovereignty]. Adopted by Resolution 2131 (XX) General Assembly by December 21, 1965. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml.

Drevnekitayskaya filosofiya [Ancient Chinese Philosophy]. Moscow : Mysl', 1972.

Zinov'yev A. A. Zapad – Rossiya: upravlyayemaya katastrofa [West – Russia: A Controlled Disaster] // Figaro. 1999. 24 iyulya. URL: <http://conflictmanagement.ru/zapad-rossiya-upravlyaemaya-katastrofa>.

Imperiya [Empire] // Globalistika: Mezhdunarodnyy mezhdistsiplinarnyy entsiklopedicheskiy slovar' / ed. by I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Moscow; St. Petersburg; New York : ITS “YELIMA”, ID “Piter”, 2006.

Katsura A. V., Mazur I. I., Chumakov A. N. Planetarnoye chelovechestvo: na krayu propasti [Planetary Humanity: On the Edge of the Abyss]. Moscow : Prospekt, 2016.

Kuzanskiy N. Sochineniya [Works]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow : Mysl', 1979.

Leshkevich T. G. Tsifrovaya sreda kak “nevidimyy” sloy sovremennosti i forsayt perspektivy [Digital Environment as an “invisible” Layer of Modernity and Foresight of Perspective] // Vestnik MNEPU. 2019. No. S1. Pp. 258–260.

Morgan L. H. Drevneye obshchestvo [Ancient Society]. Leningrad : Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the Soviet Union, 1935.

Makhamatov T. M. Grazhdanskoye obshchestvo kak faktor ustoychivogo razvitiya obshchestva [Civil Society as a Factor in the Sustainable Development of Society] // Materialy yezhegodnykh Moiseyevskikh chteniy. Vol. 3. Moscow : MNEPU Publishing, 2014. Pp. 117–120.

Nekrasov N. A. Rodina [The Motherland] / N. A. Nekrasov // Stikhotvoreniya 1845–1877 [Poems 1845–1877]. Moscow : Moskovskiy rabochiy, 1979. Pp. 11–12.

Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Philosophical Encyclopedia]: in 4 vols. Vol. 3. Moscow : Mysl', 2001.

Raspad kolonial'noy sistemy. Modernizatsiya stran traditsionalistskikh tsivilizatsiy [The Collapse of the Colonial System. Modernization of the Countries of Traditionalist Civilizations]. 2015. February 14. URL: https://studopedia.ru/5_63977_raspad-kolonialnoy-sistemy-modernizatsiya-stran-traditsionalistskih-tsivilizatsiy.html.

Frantsuzskaya Respublika: Konstitutsiya i zakonodatel'nyye akty [French Republic: Constitution and Legislative Acts]. Moscow : Progress, 1989.

Chumakov A. N. Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira [Globalization. Contours of an Integral World]: Monograph. 2nd ed., rev. and compl. Moscow : Prospekt, 2016.

Chumakov A. N. Global'nyy mir: stolknoveniye interesov [Global World: Clash of Interests]. Moscow : Prospekt, 2019.

Engels F. Proiskhozhdeniye sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva: V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana [The Origin of the Family, Private Property and the State: In Connection With the Studies of Lewis G. Morgan]. Moscow : Politizdat, 1982.

Ferguson A. An Essay on the History of the Civil Society. 5th edition. London : T. Cadell, 1782.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B. V., 2014.

Odawa H. The Problem of World Public Order // B. Boutros-Ghali Amicorum Discipulorumque Liber. Vol. I. Bruxelles, 1998.